

ОЗЕРОВА

Мама
~~Няня~~ для дочери
миллиардера

Катя Озерова

Мама для дочери миллиардера

<https://litres.ru/74253487>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я готова на все, чтобы быть рядом с дочкой! — к горлу подступил ком.

— Она не твоя, Варвара. У тебя на нее никаких прав.

— Пожалуйста! Я готова на все! — вцепилась я в его руку.

— Могу предложить тебе должность няни, — Дубровский язвительно усмехнулся, а я закивала, ухватившись за такую возможность. — Будешь под моим наблюдением, Варвара. Лишнее слово, лишнее телодвижение или попытка забрать МОЮ дочь, и я вышвырну тебя из этого дома. Ясно?

— Да, — выдавила я из себя шепотом.

— Подписывай документы о неразглашении и приступай к своим обязанностям. Но это еще не все, — его взгляд скользнул по моим губам и фигуре, — ты будешь оказывать мне дополнительные услуги.

Во рту пересыхает от частого дыхания и я отвожу взгляд.

— Ну вот мы и поняли друг друга, — он склоняется ниже, касаясь горячим дыханием моей щеки, — будь послушной девочкой, Варвара, и, может быть, ты задержишься на своей должности подольше.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Катя Озерова

Мама для дочери миллиардера

Глава

Пролог

— Дашка, что случилось?

— Да ничего, Алла. Всё хорошо, — она присаживается на краешек кресла. Руки напряжённо складывает в замок.

— У тебя всё всегда хорошо, — ставлю перед ней чай.

— Но только выглядишь ты так, подруга, что в гроб краше кладут.

— Правда? — прижимает ладони к щекам.

— Так что случилось? — сажусь с ней рядом. — Может, я помогу?

— Да мне уже никто не поможет, — начинает всхлипывать она. — Ох, Алка! Боженька меня покарает, точно! Гореть мне в аду!

— Да что такое? — мне уже не до чая. Хватаю белую Дашку за руку. Пульс у неё бешеный, дыхание совсем поверхностное. Так и до обморока недалеко. — Дыши давай, пока мы живы, всё можно поправить.

— Нет, — она откидывается в кресле. — Я плохой человек, чтоб ты знала. Я дочкой ради сына пожертвовала, — шепчет с трудом. А слёзы крупными градинами по лицу кажутся. — Гореть мне в аду.

— Варька? — удивлённо поднимая брови. — Так вроде всё хорошо у неё. Мои мальчики к ней на рисование ходят по субботам.

Варвара умница, работает в центре детского творчества — малыши там рисуют, лепят, играют. Она и с речью помогает, и с особенностями развития, если есть такие.

— Для чужих детей живёт моя Варька. А всё потому, что я её ребёнка отобрала. Гади́на я, Алка. Гнать меня надо отовсюду.

— Не понимаю, — мотаю головой. — Как отобрала?

— Я её попросила о таком, о чём просить нельзя было. А Варька добрая, наивная. Она и согласилась. Не понимала, что потом будет. А я не могла Глеба потерять. Он же на руках у меня угасал.

— Да расскажи ты толком! — требую.

— Варя очень похожа была на одну девушку. Жену мецената, который деньги на трансплантацию Глебу дал.

— И что?

— А то, что ребёночек у них не получался! — Дашка начинает плакать. — Они Варьку мою увидели и предложили ей для них родить. Они нам деньги, лекарства, лучшую клинику в Германии. А Варька им малыша.

— О боже...

— Глеб почти не дышал. Проклятая болезнь! Он захлёбывался кашлем. И я, дура, попросила её! Я сама попросила. В таком отчаянии была...

— Варя стала суррогатной мамой? Но это невозможно. Она же не подходит. Есть чёткие правила...

— Сделали нелегально инсеминацию.

— Не ЭКО?

— Нет. Яйцеклетка Вари. Она выносила и отдала ребёнка после кесарева. Вернее, его забрали. Её, девочку...

— Боже, — смотрю на Дашку совсем другими глазами.

— Осуждаешь, да?

— Я... я не знаю, — признаюсь честно. Варя была слишком юна, неопытна, у неё не имелось своих детей, а таких не берут в сурмамы. И не зря.

— Глеб умер бы, не было для него донора дома! А так живы целых два ребёнка! Варя дала жизнь двоим!

— А сама она как? — тру ладонью грудь.

— Никак. Другим помогает. Я сначала думала, забудет она. Свою семью заведёт. А годы идут, а она одна и одна. Кулон только проклятый с локоном дочки носит и теребит постоянно. Нет моих сил на неё смотреть, вина сжирает!

Бедная Варька, как же она живёт? Что чувствует? Совсем другими глазами теперь на неё смотрю. С каждым ребёнком ласкова, каждому поможет.

А своего нет. Забрали. Отдала.

— Сама не своя я. Жить не хочу, — Дашка выпивает горячий кофе залпом. — Но Глеб маленький, он во мне нуждается. Ещё и Дубровский этот возвращается из-за границы, развёлся он со своей бывшей. Дочку Варькину в Россию привезёт. Но не отдаст же он её нам, нет... — она отправляется к себе за стол. Снова берёт документы. — Только Алла, пожалуйста...

— Я буду молчать, ты знаешь, — слабо улыбаюсь подруге. — Боженька всё видит, Даш. Поможет он Варьке, должен. — Хорошо бы. А то надежды больше ни на кого нет...

Глава 01

Месяц спустя

— Ты же не собираешься к нему идти, — мама бросает на меня жалостливый взгляд.

— Пойду, мам. Буду просить, умолять на коленях, если понадобится. Я не могу без дочки, — сжимаю в руке кулон с прядью волос моей малышки — он со мной полтора года. И столько же её нет рядом.

— У таких людей нет жалости, — качает она головой.

В кухню вбегает Глеб, мой младший братик. В руках у него маленький чумазый щенок:

— Я его на улице нашёл.

— Ну вот опять, — мама прикрывает глаза, чтобы не раскричаться. У нас каждую неделю то щенок, то котёнок, то птичка. Мама по всему району их пристраивает, а Глеб всё носит и носит. Не может пройти мимо беззащитного бро-

шенного существа. Хочет всех спасти.

Треплю брата по вихрастой темноволосой голове, улыбаюсь. Он растёт смелым, умным и добрым. Мама всхлипывает и оседает на стул. Знаю, какую огромную вину передо мной она чувствует.

Когда Глеб был совсем маленьким, ни один врач не давал ему больше года жизни. Требовалась дорогостоящая операция. У нас не было и десятой части этой суммы.

Спонсор нашёлся, но запросил слишком высокую цену за свою помощь. Ему и его бесплодной жене нужен был ребёнок, а я оказалась так на неё похожа.

Мама умоляла меня помочь — ведь я могла дать жизнь сразу двум детям.

Я согласилась...

— Варя, поговори с мамой, а? — Глеб втягивает голову в плечи. — Пусть не плачет, это последний. Честное слово! Ну не могу же я его сейчас на улицу выкинуть.

— Не можешь, конечно, — беру в руки грязный скулящий комочек и заглядываю в огромные голубые глаза. Я тоже не смогла бы. — Мам, Глеб у нас уже достаточно взрослый, чтобы взять ответственность за свой поступок на себя. Пусть растит.

— Ой, всё, — мама вытирает кухонным полотенцем лицо. — С вами двумя невозможно бороться. Но если он испортит мне ковёр в зале! Или будет мебель грызть!

— Мам! Я его тренировать буду! — У Глеба загораются

глаза.

— Завезу вам завтра корм, — целую брата в макушку на прощание. — Мне пора.

— Варя, ты позвони мне... потом, — мама поднимается. Вся бледная, дерганая. — Я буду ждать, спать не лягу. Я так виновата, Варенька, — обнимает меня и снова всхлипывает. — Прости.

— Я тебя люблю, мам. Тебя и Глеба, — подмигиваю брату. — Как назовёшь?

— Громом.

Оказавшись на улице, быстро бегу к остановке. На дворе лето, солнышко приятно обволакивает теплом всё вокруг. Кругом цветы, зелень, мамы, гуляющие со своими детками.

Дубровский должен меня выслушать! Он обязан!

Его жена меня обманула. Она клятвенно обещала, что будет мою крошечку холить и лелеять. Окружит её заботой, любовью. Что они с мужем относиться будут к ней, как к принцессе. А что на самом деле произошло? Они развелись, и Ксения оставила Софию с отцом. В полтора годика, когда малышке так нужна мама.

Мать моей Софьюшке теперь заменяют няньки! Чужие люди!

И это в то время, когда в моём сердце так много нерастраченной любви к ней хранится.

Я так и не смогла забыть свою дочь. Сквозь наркоз я слышала её первый крик, я храню его в своём сердце, как и в

медальоне прядь волос, которую отрезал для меня доктор. Я молюсь за Софьюшкино здоровье в церкви, вижу доченьку во снах каждую ночь.

Я должна быть рядом с ней!

Пусть вернёт, если она не нужна им больше. Я буду лучшей мамой в мире!

С большим трудом получилось узнать, где сейчас живёт Дубровский. Он человек обеспеченный, и получить просто так информацию невозможно. В посёлок, где он купил себе дом, мне сделали разовый пропуск.

На посту охраны нервничаю, прикладывая пропуск к турникету. Всё боюсь, что меня остановят и вышвырнут с охраняемой территории. Но на меня даже не обращают внимания, вероятно принимая за прислугу.

На территории посёлка быстро осматриваюсь и иду по тротуару вдоль заборов. Один дом богаче и красивее другого, кругом идеальные выстриженные газоны, ходит охрана. На подъездных дорожках ждут дорогие автомобили.

Дохожу до нужного дома и растерянно замираю у металлических ворот. Дальше-то что?

С дрожью в теле вдавливаю палец в звонок.

— Слушаю, — раздаётся спокойно.

— Я к Дубровскому Платону Владимировичу. Это по поводу... — я запинаюсь. Делаю большой глоток воздуха, чтобы продолжить. — Дочери.

— Проходите, — раздаётся резкий звук, и ворота отъез-

жают в сторону. Вот так просто? Меня впустили?

Попадаю в тенистый сад, через который выстлана широкая дорога для автомобилей. Уже рядом с домом вижу высокий внедорожник с водителем внутри. Он лениво скроллит ленту в телефоне и слушает музыку в наушниках, на меня вскользь бросает равнодушный взгляд.

Не успеваю нажать на ручку двери, как она распахивается, но вместо Дубровского вижу перед собой другого мужчину. Он высок, молод, в ухе наушник. Похоже, тоже охранник.

— Здравствуйте, я к Платону Владимировичу, — тараторю я.

— Ваши рекомендации, — протягивает он руку.

— Рекомендации?

— Вы же на должность няни? — Его взгляд оценивающе скользит по моей скромной блузке и юбке.

— Не совсем, нет, — мотаю головой. — Для Софии ищут новую няню?

Он явно удивлён, что я знаю имя дочки Дубровского.

— Кто вы?

— Варвара Голубева, — чувствую, как мои губы немеют. — Я по поводу Софии.

— Подождите здесь, я сейчас о вас доложу.

Мужчина уходит, оставив дверь приоткрытой. Я не могу больше ждать, иду за ним.

— Какого ты её пустил? — слышу раздражённое. — Гони прочь немедленно!

— Платон, выслушайте меня, — вбегаю в гостиную. —
Пожалуйста, я вас умоляю!

Дубровский оборачивается ко мне. Точно такой, как я помню: огромный, без тени улыбки на лице. В глазах сталь. Неужели выгонит? Неужели даже не выслушает?

Глава 02

Охранник направляется ко мне и хватает за локоть.

— Идёмте.

— Нет, пустите! — пытаюсь вырвать руку. — Платон Владимирович, я вас умоляю! Выслушайте меня, я полтора года ждала этой встречи!

— Подожди, Иван, — Дубровский подходит к нам. Медленно скользит по мне взглядом, словно вспоминая. А у меня дыхание останавливается, ведь его решение сейчас — это смысл всей моей жизни. Я без Софьюшки не могу, я измучилась. — Отпусти, — произносит он ровно. — У тебя одна минута, Варвара.

Меня отпускают, и я пошатываюсь, едва не падая без опоры. Охранник уходит, закрывая дверь в огромную пустую гостиную. На диване лежит мягкая детская игрушка — плюшевый мишка. От мысли, что её держала в ручках моя Софьюшка, меня обдаёт жаром.

— Слушаю.

— Вы развелись!

— В процессе, — он равнодушно пожимает плечами. — Тебя это никак не касается.

— Касается! Вы обещали! Ксения Дмитриевна клялась мне, что вы мою девочку любить будете! Я вам поверила, а вы нанимаете для неё няnek! Ваша жена бросила мою Софьюшку!

Дубровский замирает. Смотрит на меня, будто расчленяет. В душу мне заглядывает.

— Ты с претензиями пришла? — В его низком голосе с хрипотцой слышен сарказм. — А ведь получила за ребёнка приличные деньги, и одним из условий сделки было то, что ты никогда не лезешь в нашу жизнь.

— Вы прекрасно знаете, для чего нужны были ваши проклятые деньги! У меня брат умирал!

— Мне всё равно, куда ты их потратила. Ты продала дочь! Пошла вон, Варвара! — Дубровский указывает мне на дверь.

— Нет, — мотаю головой упрямо. — Я хочу её увидеть!

— Ты ополоумела?

— Я не могу без неё, — хватаю его руку. Из глаз брызгают предательские слёзы. — Я готова на всё, чтобы быть рядом с дочкой! — к горлу подступает ком.

— Она не твоя, Варвара. У тебя на неё никаких прав.

— Пожалуйста! — умоляю его.

Дубровский замолкает. Смотрит на меня задумчиво.

— Могу предложить тебе должность няни, — язвительно усмехается. А я послушно киваю, ведь я готова на всё. — Будешь под моим наблюдением, Варвара. Лишнее слово, лишнее телодвижение или попытка забрать МОЮ дочь — и

я вышвырну тебя из этого дома. Ясно?

— Да, — выдавливаю из себя шёпотом.

— Подписывай документы о неразглашении и приступай к своим обязанностям, — Дубровский отцепляет меня от своей руки, словно котёнка бездомного. Кивает в сторону стола у окна. Там несколько небрежно брошенных листков с резюме от разных соискательниц и один пустой договор. Не глядя в текст, подписываю где нужно и оставляю его на столе.

Неужели я сейчас увижу свою доченьку? От волнения сводит всё тело.

Понравлюсь ли я ей?

Пойдёт ли Софьюшка ко мне на руки?

Дубровский подходит к столу, медленно листает договор. Слишком медленно, словно тянет время. Я рядом с ним вся извожусь от нетерпения. То блузку поправлю, то волосы.

— Но это ещё не всё, — он швыряет бумаги на стол и тут же о них забывает. Его взгляд скользит по моим губам и телу, на губах начинает играть дьявольская ухмылка. — Ты будешь оказывать мне дополнительные услуги.

— Какие? — встряхиваю головой, не понимая, что он имеет в виду.

Дубровский обходит меня по кругу. Его пальцы задевают мой живот, скользят вдоль позвоночника, касаются шеи. Терпкий запах имбиря и сандала проникает ядом в лёгкие. И меня бросает в жар. Касания слишком интимные, чтобы ошибиться.

Во рту пересыхает от частого дыхания. Стоит Дубровскому остановиться напротив меня, и я отвожу взгляд.

— Ну вот мы и поняли друг друга, — он склоняется ниже, касаясь горячим дыханием моей щеки. — Будь послушной девочкой, Варвара, и, может быть, ты удержишься на своей должности подольше.

Ледяные мурашки начинают расползаться по телу, прийти в себя получается не сразу.

Я и ЭТОТ мужчина?

— Иван, зайди, — Дубровский выглядывает в коридор. — Обыщи, выдай форму, проведи инструктаж. Варвара будет работать няней, и она твоя головная боль. Выкинет хоть что-то — твоя голова с плеч.

Внимательный взгляд охранника перемещается на меня, сканирует. Иван молча кивает.

Более Дубровский не достаивает меня ни взглядом, ни словом. Он просто уходит, а я остаюсь растерянно стоять посреди его богато убранной гостиной.

— Идём, — Иван скручивает в трубочку подписанный мной договор и подталкивает меня к выходу из комнаты. — Для начала инструктаж. В каждой комнате стоят камеры, на стене у выхода устройство, по которому вы можете вызвать меня, а также другой персонал. Какая кнопка за что ответственна, я вам объясню.

— Зачем столько камер? — осматривалась по пути. И в гостиной, и в коридоре, и в небольшой комнатке, куда меня

привели.

— Вам нужно это объяснять? — охранник удивлённо дёргает бровью.

Я мотаю головой. Ещё два с половиной года назад я уяснила, что Дубровский непростой человек, не знала лишь масштаба. В интернете о нём пишут скупно и только хорошее. Меценат, бизнесмен, владелец нескольких банков. Ксения — его вторая жена, о первой лишь упоминание, но никаких подробностей. Детей, кроме моей Софьюшки, у него нет.

— Раздевайтесь.

— Зачем? — шокированно сжимаю ворот блузки.

— Я должен убедиться, что на вас нет жучков. Все вещи, включая сумочку, на стол.

Я сглатываю. Осматриваюсь в пустой комнатке с диваном и низким столиком. По виду это комната отдыха для персонала или охраны. Пальцы сжимаются на верхней пуговице.

Иван ведёт себя равнодушно и рутинно. Вытащил из не приметного шкафа у стены какой-то прибор, включил его, и тот сразу длинно звенит.

Я переступаю с ноги на ногу, бросаю растерянный взгляд на мигающую камеру в углу. Сжимаю зубы и начинаю растёгивать пуговички на блузке. Смотреть на охранника не могу. Складываю на стол юбку, блузку, туфли. На мне остаётся лишь тонкое бельё, которое я прикрываю на груди ладонями.

Иван сканирует одежду, потом медленно её осматривает

— шов за шовчиком, прощупывает подкладку. Повторяет процедуру с прибором на мне. Я выдыхаю с облегчением от того, что лифчик на мне без косточек, иначе был бы неприятный шанс расстаться и с ним.

— Сумочку верну вечером, когда проверю.

— Мне нужно позвонить...

— Вечером!

В дверь стучат, охранник забирает пакет и кладёт передо мной на стол.

— Одевайтесь, — выходит, дав мне возможность немного расслабиться. Я вдыхаю и выдыхаю несколько раз. Мысленно приказываю себе собраться. Всё, через что я прохожу, — не просто так, я сейчас встречу со своей доченькой.

Быстро одеваюсь в сложенную в пакете одежду: свободные бежевые брюки, майка, тапочки — всё очень удобно для того, чтобы ползать с маленьким непоседливым ребёнком по полу. Выхожу в коридор, где меня терпеливо ждёт Иван. Он показывает, куда идти дальше. По дороге монотонно озвучивает правила поведения в доме, которые я из-за волнения практически не слышу. В ушах с каждым шагом нарастает стук сердца.

Мы поднимаемся на второй этаж дома по пологой лестнице из белого мрамора и за поворотом останавливаемся.

— Детская, — Иван открывает для меня дверь.

Неужели чудо случится? Неужели я увижу свою доченьку?

Глава 03

В детской очень светло. На стенах милые сказочные обои с феями и бабочками, кроватка с балдахином из органзы, по полу разбросаны игрушки и кубики. В центре на детском коврике моя малышка в компании ещё одной няни. Женщины с пучком на голове читает ей сказку, но Софийка грустно смотрит перед собой. Глазки красные, в зубах зажат грызун.

Как в замедленной съёмке, делаю первые шаги к дочке. Она словно маленький ангел — огромные голубые глаза, волосы убраны в два смешных хвостика. Носик кнопочкой, щёчки пухленькие, с румянцем. Но ангел огорчённый — у малышки режутся зубки.

— Ольга Петровна, это Варвара Сергеевна. Она будет второй няней Софии, — Иван представляет меня женщине с пучком и исчезает.

— Здравствуйте, приятно познакомиться, — с огромным трудом сдерживаю эмоции. Как же хочется мою Софию обнять, подхватить на руки, успокоить.

Замечаю в детской ванную комнату, быстренько мою руки и спешу обратно.

— Здравствуйте, наконец-то. — Ольга Петровна откладывает в сторону книгу. Такая же уставшая, как и София. Видимо, у обеих была бессонная ночь.

— Зубы? — участливо улыбаюсь, не сводя взгляда с Софьюшки. Осторожно подхожу к ней и присаживаюсь на колени. — Привет.

В ответ Софийка бросает в меня грызунком и ударяется в слёзы. Понятное дело, её сейчас вообще всё раздражает. Ловлю грызунок и подсаживаюсь к ней ближе. Пока не касаюсь, чтобы не испугать.

— Жевательные, — Ольга встаёт на ноги и пересаживается на жёлтый плюшевый диван. — По мне как будто трактор проехал.

— Отдыхайте. А есть охлаждённые грызунки?

— В ванной миска со льдом, — она массирует виски пальцами, тяжело вздыхает.

— Сейчас принесу тебе замену, — улыбаюсь Софии и бегу в ванную. Возвращаюсь с холодным грызунком, который она тут же хватает и тянет в рот. Сосредоточенно при этом на меня смотрит, изучает. — Хочешь на ручки?

— Не пойдёт, — Ольга мотает головой. — Она ни к кому, кроме отца, не идёт.

— Вот как, — хмурюсь. — А много Платон Владимирович времени с Софией проводит?

— Заходит утром на пять минут и перед сном, — отвечает няня сухо.

— И всё? — сердце у меня сжимается.

Этого катастрофически мало!

В таком малом возрасте родители для ребёнка — весь его мир. Они обязаны быть рядом, заботиться и дарить любовь! А её бросили. Ксения ушла, отец заглядывает на пять минут в день. И то он холодный и жёсткий человек — какую любовь

может ей дать?

— Нас это не касается, — Ольга равнодушно пожимает плечами.

— Хочешь водички? — подсаживаюсь к дочке ещё чуть ближе, протягиваю ей бутылочку, которая стоит рядом.

Она отрицательно мотает головой. Снова изучающе смотрит на меня, как будто всё ещё не доверяя. А я не могу больше, сердце разрывается. Раскрываю с улыбкой объятия:

— Софиюшка, иди я пожалею, — так хочется сказать «мамочка пожалеет», но приходится себя сдерживать.

Дочка быстро моргает, разглядывая мои раскинутые руки. Грызунок у неё падает на пол.

— Бо-бо, — всхлипывает надрывно, тянется ко мне в ответ. Тут же обнимаю и прижимаю доченьку к своему часто бьющемуся сердцу. Вдыхаю сладкий запах её макушки, украдкой целую.

Я пойду на всё, чтобы остаться с ней рядом. Пусть Дубровский делает со мной что угодно. Я закрою глаза и пусть измывается над моим телом. Я потерплю! Главное, чтобы с Софушкой не разлучил.

— Надо же, — Ольга Петровна хмыкает. — Наша принцесса оттаяла. Раз у вас всё так хорошо, пойду пообедаю и немного посплю. Обед вам принесут минут через пятнадцать.

— Хорошо, — киваю ей, радуясь, что у меня появилась возможность побыть с Софушкой наедине. — Как же я ску-

чала, — нашептываю ей тихо. — Теперь всё будет хорошо. Я буду тебя любить сильно-сильно.

Доченька в моих объятьях постепенно успокаивается. Даю ей новый прохладный грызунок, кормлю обедом, отвлекаю от ноющих ощущений играми. Во время прослушивания сказки она засыпает у меня на руках. Детские ручки крепко вцепились в мою футболку, чтобы никуда не убежала. После сна наши игры продолжаются, мы даже выходим во двор походить по газону. Софьюшка убегает, я ловлю её и кружу в руках. Она показывает мне, где у них песочница.

— Варя, тебя Платон Владимирович ждёт, — Ольга выходит к нам из дома с чашкой кофе. Выглядит она значительно свежее, чем утром.

— Зачем? — с тревогой оборачиваюсь на дочку.

— Откуда я знаю, — Ольга закатывает глаза.

— Я скоро вернусь, — присаживаюсь перед Софьюшкой. Она отвлекается от своих куличиков и грустнеет. На Олю за моей спиной смотрит без радости.

— Вая! Бо-бо, зюбки, — её нижняя губа начинает трястись, на глазах слёзы. Малышка боится меня отпустить. — Ся мой! — дочка толкает от себя ведро с песком.

— Я вернусь очень быстро, — терпеливо объясняю. Дети в её возрасте уже очень хорошо понимают взрослых.

— Неть! — она забирается ко мне на руки и обнимает за шею.

Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Дубровским.

Оказывается, он всё это время следил за нами из окна второго этажа. Он делает жест ладонью, приказывая мне пройти к нему.

Глава 04

К Ольге Петровне доченька отказывается идти на руки, как та ей ни улыбается.

— Софушка, я вернусь. Я теперь всегда буду рядом, — шепчу ей на ушко. Оставляю в песочнице её расстроенную и десять раз оглядываюсь, пока иду обратно к дому.

Что Платону от меня нужно?

Помню о его требовании, но очень надеюсь оттянуть неизбежное. Нет у меня опыта общения с мужчинами, особенно такими взрослыми и сложными. Пока училась, откладывала на потом. В моей копилке лишь несколько свиданий без продолжения. Заболел братик, я забеременела и отдала свою Софушку. Стало не до отношений совсем, я угасла внутри.

Сразу поднимаюсь на второй этаж, благо я всё же запомнила кое-что из монотонной речи Ивана, который рассказывал о доме и его порядках. Перед дверью в кабинет Дубровского вытираю взмокшие ладони о бёдра. Быстро вхожу.

Платон отворачивается от окна, смотрит на меня пристально. Теряюсь и опускаю взгляд в пол.

— Подойди, — произносит повелительно.

Делаю пару неуверенных шагов и останавливаюсь. Краем глаза замечаю, как он приближается, чувствую прикосновение его пальцев к моей щеке, горячее дыхание совсем рядом.

Замираю, напряжённно ожидая чего угодно, но только не того, что происходит, — моё запястье тонет в крепкой мужской руке, и я слышу щелчок.

— Что вы делаете? — С огромным удивлением разглядываю тонкий металлический браслет. Он совершенно простой, без камушков и надписей. Грубоватый даже. Такой точно не дарят.

— Ты понравилась Софии, она к тебе тянется, — отвечает Дубровский с некоторым сожалением. Его ладонь сжимает моё запястье крепче, давая почувствовать жёсткость металла, окольцевавшего мою руку. — Так что будет лучше, если я всегда буду знать, где моя няня находится.

Растерянно хлопаю ресницами.

— Это GPS-маячок. Попробуешь снять — я узнаю. Выйдешь из моего дома без разрешения — я узнаю. — Хват на руке становится ещё сильнее. По телу от запястья вверх распространяется удушливая волна, сердце колотится.

— Я и не собиралась, — мотаю головой.

— Не знаю, какой именно у тебя план, Варвара, но всё под контролем.

— Я просто хочу быть рядом с дочкой, — мотаю головой. Пытаюсь вырвать руку, только вместо этого оказываюсь вжатой в мужское тело. Твёрдое и огромное.

Дубровский стискивает пальцами мой подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. В них ни капли доверия ко мне.

— Врёшь! — утверждает безапелляционно.

— Нет! — упрямо мотаю головой.

— Все лгут, — его большой палец с нажимом скользит по моим губам. — А женщины в особенности. Притворяетесь невинными и беспомощными, пока не получаете своё. А потом отваливаетесь, как пиявки. — Сколько ты хочешь, Варвара? Скажи прямо сейчас, пока есть шанс продаться без последствий. Я тебе бабки, ты просто работаешь какое-то время и сваливаешь в закат. Сколько?

— Нисколько! — цежу сквозь зубы.

— Обычно это значит «очень много». Точнее, «я хочу всё», — он усмехается. — Но со мной не прокатит больше.

Дубровский отпускает меня так быстро, что я пошатываюсь и едва ли не падаю. Он отходит к столу, на котором лежит моя сумочка и одежда. Берёт в руки разовый пропуск.

— Я знаю, у кого ты его взяла. И не спущу ему такие выкрутасы.

— Не надо, пожалуйста, — подбегаю к Дубровскому. — Вадим просто хотел мне помочь, он учится на программиста. Я его упросила.

— Значит, пострадает из-за тебя, — отвечает Дубровский холодно.

— Нельзя быть таким! — я в отчаянии кусаю губу едва не до крови.

— Каким? — дёргает бровью.

— Бесчувственным! Злым! — прорывает меня. — Отно-

ситься к людям так, будто они куклы! Вы и Софушку не любите! — Меня окончательно несёт. Мы совсем рядом, едва не касаемся телами. Он высокий, так что я снова задираю голову. — Пять минут утром, пять вечером? Думаете, ребёнку этого достаточно?!

— Ты меня критикуешь? Ты, которой даже не было рядом? — бьёт Дубровский словами. — Приперлась меня учить?! — Его глаза сужаются до щёлочек.

— Просто Софушка скучает. Нельзя заменить родителей персоналом, — заставляю себя наконец заткнуться и опустить взгляд в пол. Я же себе обещала, что буду сдерживаться. Буду молчать, что бы Дубровский ни говорил и ни делал. Но не могу. Это слишком личное, это же наша дочь!

Действительно наша, потому что мне не делали ЭКО — взять яйцеклетку у его жены было невозможно по медицинским показаниям. Мне сделали инсеминацию материалом Дубровского. А это значит, что мы биологические родители Софьюшки. Суррогатная мама в нашем случае — это был обман, пустой звук. Я мама!

И моя доченька чувствует меня. Она ко мне тянется. Уверена, к отцу она тоже тянется за теплом и любовью, да только тот выдаёт их порционно — пять минут утром и вечером. Глыба ледяная, не человек.

— Вижу, характер у тебя строптивый, Варвара, — он хрипло усмехается. — Мама не научила, что для женщины молчание — золото? — продолжает с издевкой. — Ничего,

я научу...

Сжимаю челюсть и кулаки, чтобы сдержаться. Он меня специально выводит из себя, чтобы выгнать потом! Надо молчать и не поддаваться.

— Забирай свои вещи и шуруй вниз. Там тебе покажут комнату. А это побудет у меня, — откладывает телефон в сторону.

— Мне нужно позвонить маме и брату, они волнуются, — сгребая вещи со стола и прижимаю к груди.

— Скажешь Ивану, он даст позвонить.

— Мне нужно съездить домой, взять вещи. И в центре предупредить, — тяжело сглатываю. Любимую работу придётся бросить, чтобы быть с Софушкой. Очень жаль, ведь я так много сил вложила в свой маленький детский центр, но это необходимая жертва. — У меня там завтра занятия по расписанию, дети будут волноваться.

— Утром свожу, — Дубровский бросает нетерпеливый взгляд на наручные часы.

— Вы? — тушуюсь. — Может, Иван, он...

— Ты опять споришь со мной?

Глава 05

Из кабинета Дубровского я не вышла, я вылетела. Причём молча, чтобы больше ничего такого не сморозить. Не получается у нас мирно общаться — я лезу на рожон, он этого не терпит. Мы как плюс и минус!

Несусь с одеждой вниз, чтобы разыскать Карину Витоль-

довну — экономку. С ней я познакомилась, когда она приносила еду для Софьюшки.

— Мне нужно в комнату, Платон Владимирович сказал...

— А ты чего так запыхалась? — Полноватая женщина с короткой чёрной стрижкой заглянула мне за плечо. — Гонится кто?

— Нет, просто мне к Софии надо, — перевожу дух.

— Первый раз вижу, чтобы человек так на работу бежал, — она хмыкает. — Ну пойдём.

Комната у меня оказалась в самом дальнем углу коридора в левом крыле. Помимо меня тут живут сама экономка, начальник охраны и вторая няня, а также горничные, повар, охрана, работающие посменно.

— Прошу, — Карина Витольдовна толкает дверь и пропускает меня внутрь. Комната небольшая, с односпальной кроватью, шкафом и столом у окна. Рядом тесная ванная комната с душевой кабиной и раковиной. — Ужин у нас в семь, приходи. Если не получится, твоя порция будет в холодильнике.

— Спасибо. — Оставшись одна, быстро складываю вещи в шкаф, мне в них ещё завтра в город ехать, а сама несусь к дочке. Даже после такой короткой разлуки сердце не на месте. Как я только раньше жила?

Картина с тех пор, как я ушла, не изменилась. Ольга Петровна сидит на краю песочницы, разглядывая окружающий пейзаж. Софушка грустно ковыряет пальчиком песочек.

При виде меня дочка оживает и бежит навстречу.

— Вая! — обнимает меня за колени и тянет ручки вверх.

— Вая, Ва-а-а-а-я! Гуя-ять!

— Гулять так гулять, — беру дочку на руки. Она хватается ладошками в песке меня за лицо и утыкается в щёку носом. Щебечет о своём что-то, что пока разобрать не получается. Различаю только «зюбы-зюбы».

Мы ковыряемся в песочнице, взгляд то и дело мечется наверх — проверить. Дубровский часто мелькает в окнах, с телефоном в руках. Следит за мной, будто браслета недостаточно!

Всех работников, кого вижу рядом, осмотрела — ни у кого нет браслета. Это только мне он совершенно не доверяет. Что, думает, я Софушку мою могу украсть?

А я могу?

Наверное, если бы я увидела, что её тут совершенно не любят и делают плохо, то да. Забрала бы без раздумий, если бы смогла. Но с Дубровским так не получится, он из тех людей, кто из-под земли достанет. И даже не сбежишь из его дома.

Вдоль забора ходит охрана, вокруг дома тоже. Иван всё время маячит где-то на горизонте, расхаживает по участку. Дом сверху донизу напичкан камерами и переговорными устройствами. Тут Форт-Нокс, а не жилой дом.

У Дубровского много врагов? Иначе зачем такой уровень безопасности?

Как только становится прохладнее, мы с Софушкой бежим в дом. Ольга Петровна тенью ходит за нами. Дочка её игнорирует, мне с ней тоже болтать некогда.

— Дай, дай, дай, — дочка бежит по гостиной за мной. Отбирает плюшевого кота и с визгом бежит от меня. Значит, мой черед за ней теперь гнаться. — Не дям! Ляви-ляви-ляви, — лепечет с восторгом.

Входит Дубровский с телефоном, и игра останавливается. У него под мышкой папка с документами, в руках ключи — явно собирается куда-то ехать.

— Па-а-а-а, — Софушка останавливается и замирает. Хлопает большими глазками, как будто робеет.

Платон откладывает папку с ключами на диван и присаживается на корточки, манит дочку руками. Она идёт, но на меня постоянно оглядывается. Позволяет отцу взять себя на руки.

Оба какие-то напряжённые. Платон покачивает головой, заглядывает дочке в глаза. Она засунула себе в ротик почти всю ладонь и жуёт, массируя воспалённую десну. Молча играют в гляделки друг с другом.

Кажется, у них не получается контакт.

Дубровский отдаёт мне дочку через пару минут и уезжает. В следующий раз появляется уже вечером, когда мы собираемся ужинать и ложиться спать.

Он после душа — в домашних широких брюках и белой майке. Для меня крайне странный образ, потому что я виде-

ла Дубровского только в строгой одежде бизнесмена. А вот так, в домашнем, он не очень и страшный.

И снова то же самое. Взял ненадолго дочку, подержал, отпустил.

Софушка грустно смотрит, как её папа собирается уходить. Вздыхает.

— Платон, подожди... те, — настигаю его у двери и хватаю за руку. — Оставайтесь ещё ненадолго.

Ольга Петровна, сидящая на диване в уголке, округляет глаза. Дубровский тоже крайне удивлён. Сверлит взглядом мою руку поверх своей нечитаемым взглядом, напряжённо выдыхает. Софушка на коврике тоже хлопает глазками, ожидая папиного решения.

— Ладно, — он откашливается. — Ольга Петровна, вы на сегодня свободны. Софией займётся Варвара.

— Как скажете, — женщина с облегчением сбегает из детской. Ей явно неудобно с нами тремя за раз.

Мне без неё тоже лучше. Не нужно больше пытаться сдерживать себя при дочке.

— Меня отпускают? — иронично подаёт голос Дубровский. Тут же убираю руку и отступаю в сторону, чтобы он мог вернуться к Софушке.

Дочка, увидев рабочую модель поведения, тут же хватается отца за руку сама и заглядывает ему в лицо.

— Научилась, — он со вздохом берёт её на руки. — Как сегодня прошёл день?

— Мы много играли, — присаживаюсь с ним рядом, хмуюсь, говорю строго. — У Софушки недостаток общения.

— Для того тебя и взяли, — он поднимает с пола грызунки и подаёт дочке. Она принимается жевать, но папу продолжает держать за руку крепко. Еле сдерживаюсь, чтобы не взорваться. Ребёнку общения не доставало не с нянями, а с папой, который сидит тут как камень. Он что, на совещании совета директоров?

Мама тоже очень важна! Теперь у Софушки есть я. Но почему её бросила Ксения? Как она могла?

Нам приносят ужин.

— Ням! Ням! Дай! — Софушка переключается на еду. Пытается сама, но потом устаёт. По очереди сует ложку то мне, то отцу. К концу кормления майка Платона оказывается вся в пятнах.

— С завтрашнего дня завтраки и ужины в столовой, — кивает он сам себе.

Вспоминаю, что нам тоже не мешало бы поесть. У меня в животе урчит, потому что после завтрака я вообще ничего не ела.

Беру Софушку на руки, но ей уже не до игры. Она устало трёт кулачками глазки, на нас с отцом смотрит осоловелыми глазками.

— Сейчас примем тёплую ванну, а потом пойдём в кровать, и я спою тебе колыбельную, — покачиваю Софушку на плече. Дубровский наблюдает за нами, опершись мощным

плечом о стену. Не уходит, пока дочка не засыпает. Я võimalю под его постоянным препарирующим взглядом.

И что он так смотрит на меня?

Уф, а завтра с утра мы вдвоём поедем по моим делам... Что-то я вся на нервах...

Глава 06

— Доброе утро, — в детскую входит Ольга Петровна. Я всю ночь провела рядом с Софушкой.

С вечера она быстро уснула, но ночью проснулась, и я носила её на руках. Качала, успокаивала, обнимала. К утру отрубилась на жёлтом диванчике.

— Доброе, — сажусь, потирая заспанное лицо. Софушка уже сидит в своей кроватке, недовольная, но тихая. Кулачок свой пожевывает, на нас с Ольгой Петровной поглядывает.

— Платон Владимирович просил напомнить, что завтрак будет в столовой, — няня заглядывает к Софушке в кроватку. — Опять не спали.

— Угу, — потягиваюсь и подхожу к дочке. Она тянет ручки, требуя внимания. Беру её к себе, позволяя затихнуть на груди.

— Вошла во вкус, — Ольга Петровна прикусывает губу. Замечаю, что ей очень любопытно, чем вчера всё закончилось у нас с Платоном, но задавать вопросы она боится. Точнее, боится Дубровского и возможных последствий своего любопытства.

— Мне нужно в душ, — произношу с сожалением. Рас-

ставаться с доченькой теперь такая мука. — Идите, а мы пока попьем водички, проснёмся, сделаем лёгкую гимнастику. Правда, Софушка? — Ольга Петровна улыбается дочке, но та её позитива не разделяет.

Я бы и сама хотела всё это проделать — и напоить, и гимнастику сделать, и переодеть в красивое платье. Клянусь, что однажды так и будет. Никаких нянек, какими бы профессиональными они ни были. Ольга Петровна хорошая женщина, но я сильно ревную. Мне каждая минута с Софушкой на вес золота. Как подумаю, что могу что-то пропустить, сердце сжимается.

Оставляю недовольную доченьку под присмотром няни и спешу к себе. Принимаю душ, переодеваюсь во второй комплект одежды, который мне вчера любезно оставили. Софушка к этому времени уже тоже умыта, одета и бодр, но по-прежнему невесела.

Спускаюсь вместе с ней в столовую, Ольгу Петровну отпускаю завтракать вместе с персоналом. Дубровский уже за столом, в своём обычном деловом костюме и с телефоном. Откладывает его, как только видит меня с дочкой на руках.

Софушка тянется к нему.

— Доброе утро, — произносит прохладно.

— Па-а-а, — дочка прижимается сжатыми губками к гладко выбритой щеке. Маленькие пальчики крепко хватаются за галстук и тянут. Платон терпеливо отцепляет детские пальчики, не позволяя себя придушить, и усаживает дочь на дет-

ский стульчик.

— Доброе. — Рядом с тарелкой Софушки стоит ещё одна. Кажется, для меня.

— Завтракайте и поедem, — Дубровский приступает к завтраку — яйцам и бекону. Присаживаюсь рядом с дочкой и помогаю ей с едой. Софушка старается, но приборы держит пока неуверенно. Параллельно съедаю свой завтрак.

Нас обслуживает горничная, которая не сводит с меня любопытных глаз. Сплетни точно пойдут, но мне всё равно. И ещё это пошлое условие Дубровского не даёт мне покоя. Думаю и не представляю его и себя за чем-то подобным.

Может быть, он и сам откажется. Неужели у него нет возможности завести себе женщину, которая захочет быть с ним по доброй воле? Даже горничная вон какими влюблёнными глазами на него смотрит.

Внешне Дубровский мужчина видный, конечно. К тому же и при деньгах. Пока не разведён, но в процессе, как сам Платон выразился. Да к нему очередь выстроится.

Но есть одна огромная проблема: у него ужасный, просто отвратительный характер и замашки властного феодала. А ещё он бесчувственный!

С тяжёлым сердцем отдаю Софушку няне. Она этому совершенно не рада и смотрит на меня с обидой. Ох, я очень надеюсь, что больше мы с дочкой расставаться не будем.

До моей съёмной квартиры едем с Дубровским молча. Я уже продумываю, что делать с арендой. Оплачена она у меня

на четыре месяца вперёд, а там можно перевезти вещи обратно к маме, их не так много.

Не знаю зачем, но Дубровский поднимается в квартиру вместе со мной. Пока я собираю необходимые вещи, осматривается.

— Живёшь одна? — Он поднимает с комода фотографию, где мы с мамой и Глебом.

— Да.

— С кем-то встречаешься?

— Нет.

Бегаю по единственной комнате в моей однушке и проверяю, не забыла ли что-то важное. Беру рабочую тетрадь с записями, чтобы передать её Соне. Она теперь будет вести дела в центре, хоть и не обрадуется.

— Почему? — Платон склоняет голову на бок.

Ему действительно интересно?

— У меня нет на это времени, — пожимаю плечами.

Открывать душу ему не собираюсь — не поймёт. Какие отношения, когда в груди незаживающая рана. Что я могла предложить мужчине? Себя, пропитанную болью? Да кому я такая нужна была бы. Кто бы меня понял и принял мой поступок?

Я так своей беременностью ни с кем из новых знакомых и не делилась. А со старыми порвала все связи, чтобы не напоминали. Одна мама осталась моей ниточкой к прошлой жизни. И Глеб. Да... брата я очень люблю. Рядом с ним я часто

думала о том, что всё было не зря. Это давало дополнительные силы жить.

Качу тяжёлый чемодан на выход сама, однако Дубровский его со вздохом перехватывает, погружает в багажник своего огромного тонированного внедорожника.

После квартиры мы едем в центр. Там, как обычно, шумно. Мы с Соней арендуем помещение на первом этаже большого торгового центра. Внутри оно разбито на шесть комнат, где проходят различные мероприятия. У нас занятия по развитию для детей детсадовского и начального школьного возраста, логопед, художественные занятия. Есть свой сайт.

— Валвала, пивет, — на ресепшене меня встречает Мишутка. Рядом с ним суетится его близнец Ромка. Он точит карандаши механической точилкой.

— Привет, ребята. Ого, — заглядываю в Ромину коробку. Там уже добрая половина наточена. — Где ваша мама?

— У неё Вадим Класнов, — Мишута заглядывает в бумаги на столе, будто бы уже научился читать. — Собисе... до... соби... до...

— Собеседование? — уточняю я.

— Ага, — он спрыгивает с крутящегося кресла и обходит стол. Удивлённо смотрит мне за спину. — А вы кто?

Оглядываюсь на стоящего у входа Дубровского. Я о нём забыла, как только в любимые стены вошла. Тут всё пропитано суетой и смехом детей. Моими с Сонькой планами.

— Это мой друг Платон, — оборачиваюсь на него. — А

это мои с Соней помощники, Миша и Рома.

— Соня наса мама, — Ромка тянет Платону руку как взрослый, и тот её пожимает. — А вы посему без лебенка?

— Дома оставил, — Платон пожимает руку и его брату. Даже не поленился, присел на корточки ради этого.

— Девоська? — интересуются мальчишки.

— Девочка, — на губах Дубровского мелькает еле уловимая улыбка. Или это мне показалось?

— Мы хосим сестлу лет тлех-сетылех, — Миша задумчиво чешет подбородок.

— Софушке только полтора, — улыбаюсь обоим. Надо же, у мальчиков идея фикс. Застали Соню, когда она на занятии всем девочкам в группе косички заплетала, и решили, что им срочно надо сестру, чтобы маме было с кем играть. Они-то уже серьёзные, взрослые пацаны. Им расти надо, взрослеть.

— Залко, — Ромка цокает. — Маенькая есе, хапот много.

Сонька выходит из второго кабинета вместе с женщиной в годах и маленьким мальчиком. Видимо, его бабушка привела.

— Варя, как хорошо, что ты пришла, — кивает Соня мне с облегчением. Прощается с посетителями и обнимает меня. — Я телефон тебе оборвала. Уже не знала, что думать. Маме твоей звонила, она переживает.

— Я к ней заеду, — серьёзнеею я. Вчера я так никому и не позвонила, все мои мысли были с Софушкой. Достаю из сумки свою рабочую тетрадь с записями, передаю. — Это

тебе.

— Не поняла, — Соня хмурится.

— Я пока не смогу работать. Возьми, пожалуйста, человека на мою ставку. Это надолго... не знаю точно... — самой тяжело, что приходится так поступить. Но что делать?

— Варя? — она бледнеет. — Что случилось?

Чувствую движение за спиной. Это Дубровский подошёл и нависает надо мной, будь он неладен!

Глава 07

— Ничего, я просто новую работу нашла. Вот, — развожу руками.

— Это кто? — Соня поджимает губы.

— Платон Владимирович, мой знакомый, — оборачиваюсь на Дубровского, который возвышается за моей спиной.

— Длуг, — исправляет меня Ромка. — У него доська, но мелкая, полтола тока. Нам не подойдёт, — выдаёт всю информацию.

— Друг? — у Сони глаза лезут на лоб.

Ну да, не похож на тех, с кем я обычно общаюсь. От Дубровского так и веет деньгами, властью и статусностью. А у меня в знакомых в основном люди намного проще.

Платон кивает, но Соньку это не убеждает.

— Можно тебя на минуту? — она подхватывает меня под руку. — Вы же не против?

— Не против, — Платон качает головой, в глазах скепсис.

— Мам, мы плисмотрим за ним.

— Да, а Патон на киллела похож из кино, — восторженно вскрикивает Миша.

— А пуська у вас есть? — благоговейно спрашивает Ромка.

— Это они «Перевозчика» посмотрели, пока я уснула, — виновато признаётся Соня. — Теперь вот все в костюмах киллеры. Варька, что за мужик? — Она прикрывает за нами дверь пустого кабинета. Неплотно, чтобы за мальчишками своими смотреть.

— Работодатель. У него девочка маленькая, я няней буду, — меня бросает в жар. Как же хочется с Сонькой поделиться. Мы с ней всего год знакомы, а уже так близки стали. Почти как сёстры. И за мальчишками её присматриваю часто, у неё помощи вообще никакой.

— Няней? Варя, это не серьёзно. У нас центр! У нас планы! Какая няня? — она эмоционально размахивает руками.

— Прости, так надо, — заглядываю ей в глаза виновато.

— Он тебя заставил? Он, блин, или на банкира, или на мафиози похож.

— Пусть будет банкир, — Платон толкает дверь и заглядывает к нам. — Варвара, у меня времени мало, — у него в руках телефон. Взгляд напряжённый.

— Хорошо, — обнимаю Соньку. — Я тебе потом всё расскажу, — шепчу ей на ушко. — Пожалуйста, позаботься о центре. И, если хочешь, переезжай ко мне в квартиру. Аренда оплачена ещё на четыре месяца. Вот ключи, — отдаю ей

связку. — Я позвоню, как смогу.

— Я вас запомнила, — Соня разворачивается к Дубровскому и тычет ему в грудь пальцем. — Я художница и, если надо, портрет по памяти нарисую!

— Боже, — Платон закатывает глаза. — Мне только портретов не хватало. — Варя, ты закончила?

— Да, пока, Сонь, — целую подругу в щёку и иду следом за Дубровским. Мальчишкам и знакомым деткам машу рукой, прощаясь. Очень надеюсь, что смогу сюда когда-нибудь вернуться. А пока буду скучать.

— Садись в машину, — Дубровский открывает для меня дверь, снова на часы смотрит.

— А мы можем ещё к маме заехать? Мне хотя бы на пять минут, — прошу его.

— Пять минут.

— Да, там ещё зоомагазин по дороге, остановитесь, пожалуйста. Я на минуту, мне надо.

— Минута, — он прикрывает глаза. Раздражён, но пока держится.

В магазине я в минуту не укладываюсь. В очереди стою целых три. Зато выбегаю с большим пакетом корма для собак. Взяла специально для щенков, там витаминов больше.

— У брата щенок появился, на улице подобрал, — объясняю Дубровскому, ожидающему у машины.

— Двадцать кило? — он смотрит на меня странно.

— Я не знаю, когда в следующий раз приеду, — опускаю

взгляд на носки своих туфель.

— Как с тобой сложно, — выдыхает медленно. Берёт у меня мешок с кормом и загружает в багажник рядом с чемоданом.

У мамы долго не задерживаемся. Дубровский оставляет в прихожей корм, мельком осматривает наши простенькие потёртые квадратные метры, шокированную маму, удивлённого братика со щенком на руках и выходит.

— Я на минуту.

— Он тут, — мама сжимает горло ладонью. — Что вы решили?

— Я буду работать няней, — беру маму за руки.

— Няней? — У неё на глазах появляются слёзы.

— Мам, пока так. Но даже так это так прекрасно, — улыбаюсь ей. — Мам, она идеальная, моя доченька. Лучшая в мире!

— Варенька, — мама обнимает меня. — Он тебя не обидел?

— Нет, — мотаю головой. — Мне пора, мам, Софушка ждёт, — целую её в щёку. Чмокаю брата в макушку, треплю щенка по холке. — Я позвоню, как смогу.

— Почему ты не отвечала вчера? Он забрал у тебя телефон?

Да, забрал...

— Мам, да отключился просто. Батарея села, — вру. — Я буду звонить, как смогу. Мам, у меня всё хорошо. Главное,

Софушка со мной.

— Ой, на сердце у меня беспокойно, — мама всхлипывает.

Обнимаю маму ещё раз на прощанье вместе с Глебом и убегаю вниз. Как только сажусь в машину, Дубровский трогается с места. Он опять на телефоне, слушает, коротко отвечает.

Сижу тихонько с полным сумбуром в голове. Кажется, я только что полностью порвала со своей старой жизнью.

Ещё раз.

А что ждёт меня в новой?

Не знаю, учитывая, насколько Дубровский непредсказуем.

Но главное, что Софушка теперь со мной. Прикладываю к груди ладонь. Сердце трепещет от предвкушения новой встречи. Главное, в нём нет уже той безысходности и тоски, что были там раньше постоянно.

Мы въезжаем на территорию закрытого посёлка. Ворота у дома отъезжают, но припарковаться Дубровский может только на газоне. На подъездной дорожке стоит криво припаркованная красная спортивная иномарка.

У нас гости?

— Я уже дома, — Дубровский вешает трубку. Выходит, оставляя свою дверь открытой, и идёт в дом.

Я же медленно отстёгиваю ремень, настороженно осматриваю красную машину. И кто на такой мог приехать? Вы-

бираюсь из машины и замечаю Ивана.

— А где София?

— За домом, на площадке, — он явно напряжён. Тоже посматривает на машину.

Да что у нас тут происходит?

Глава 08

— Вая! — Завидев меня, дочка несётся навстречу. Ловлю её и прижимаю к себе. — Уля! Уля!

— Я тоже скучала, — зацеловываю её личико. — Так скучала!

Меня словно взрывает изнутри от восторга. Чувства, которые появляются у меня рядом с собственным ребёнком, новы и очень сильны.

Сейчас хочется смеяться и кружить Софушку. Целовать её румяные щёчки, малюсенькие пальчики, нюхать сладкую макушку, пахнущую невинностью и детством. Боже, какой же это бесценный дар — ребёнок!

— Ольга Петровна, я присмотрю. Можете пойти отдохнуть, — улыбаюсь няне.

— Спасибо, Варвара Александровна, — она зачем-то перешла на «вы». Поднимается со скамейки и исчезает в доме.

— И что это значит? — улыбаюсь Софушке. Но она не отвечает, конечно, а просто обнимает меня ручками за шею и прижимается крепко.

Может, Ольга Петровна надумала себе что-то из-за того, что Дубровский усадил меня за свой стол утром, а затем я

с ним уехала? Да, для остальных работников дома такое отношение может показаться странным.

Качаю дочку на качелях, а потом у нас случается неприятность — бутылочка с водой падает на землю, и пачкается соломинка, через которую нужно пить.

— Пить... пить... — Софушка тянется к ней.

— Сходим на кухню и возьмём другую, — поднимаю бутылочку с земли.

За руку мы с дочкой идём в дом. Чтобы оказаться на кухне, придётся пройти через раздвижные двери в гостиную, а оттуда по коридору.

Софийка бежит вперед. Уже вижу, как загорелись её глазки при виде плюшевого кота на диване. Она его хватает и забегает за диван. В прятки решила поиграть?

— Это ты во всём виноват! — слышу громкий женский крик, как только захожу в дом. — Между мною и ней ты выбрал её! А это я твоя жена! Ты меня должен был любить! — Крик доносится со второго этажа. Оттуда же на высоченных шпильках спускается Ксения, жена Платона Владимировича. — Я не подпишу! Слышишь? Не подпишу! Мои страдания стоят гораздо больше, чем эти крохи.

— Ксения, вернись в кабинет и подпиши! — за ней следует злоющий Дубровский.

— Нет! — Она разворачивается на ступеньках. — Я этого так не оставлю! Я тебя уничтожу, Дубровский! Слышал? Ты за всё заплатишь! Ты! Только ты виноват во всём! В нашем

разводе! И в том, что у меня детей нет! Ты! Я тебя ненавижу! — её лицо багровеет и становится цвета её короткого платья.

Ксения переводит дух и спускается дальше. Замечает меня в гостиной, белеет. Я тоже бледнею в ужасе от того, что стала свидетельницей их ссоры, что вижу Ксению впервые после того, как рассталась с дочкой.

— Вая, Вая! — из-за дивана ко мне подбегает Софушка и прячется за мои ноги. — Гомко!

— Ты её сюда притащил? — наманикюренный острый ноготь с дрожью тычет в мою сторону. — Эту? Как ты посмел?

— Убирайся из моего дома, Ксения. Все вопросы будем решать через адвоката, — Дубровский спускается по лестнице и становится между мной с Софушкой и Ксенией.

— Зачем она здесь? — истерично повторяет Ксения, не обращая внимания на слова Платона.

— Затем, что она исполняет обязанности, с которыми ты не справилась, — голос у Дубровского ледяной, скрежещущий. Он точно на пределе.

— Сволочь! Я тебя не прощу, — она скалится. — Тебя уничтожу! И её вместе с тобой!

— Для начала проспись, — Дубровский хватается Ксению за локоть и ведёт на выход. — Варя, уведи Софию. Ты чего встала?

— Да, Софушка, — отмираю и быстро хватаю дочку на руки. Как это я так? Надо было сразу её хватать и бежать!

Но я замерла. Остолбенела.

Несу Софушку в кухню, чтобы до неё не долетали проклятья, которыми Ксения осыпает Платона, пока тот её выдворял из дома.

Усаживаю дочку в стульчик для кормления на кухне, заглядываю в маленькое испуганное личико.

— Бо-бо, — Софушка сдавливая ладошками голову. Испугалась, бедная.

— Я знаю, но я рядом. Всё уже хорошо, — целую маленькие ладошки. — Хочешь водички?

Софушка быстро моргает, кивает растерянно.

Она всё это время думала, что Ксения — её мама. Что же сейчас в голове у доченьки?

Божечки, в каких условиях жила моя малышка всё это время?

Неужели Ксения и раньше пила и вот так орала? Не трогала ли она мою доченьку? Не причиняла ли ей вреда?

Кажется, я сейчас готова заплакать вместе с Софушкой. Что же я наделала, когда согласилась её отдать Дубровским?

Платон не лучше своей истеричной женушки — злой, холодный, жестокий.

Какие вообще из них родители?!

Приказываю себе успокоиться, чтобы София не чувствовала моего напряжения. Дети очень хорошо ощущают настроение близких, а я ведь близкая.

— Я всё исправлю, — шепчу доченьке. — Буду тебя любить, и ты забудешь о ней. Обязательно. И с папой твоим мы

что-нибудь решим.

— Ох, какие у меня гости, — в кухню входит наш повар. Пожилой, но очень подтянутый мужчина лет пятидесяти. — Не проголодались?

— Нам бы попить, — устало ему улыбаюсь.

— А у меня компотик из сухофруктов, — снимает крышку с кастрюльки. — Желаете?

— Желаем, — соглашаюсь и беру пачку детского печенья со стола. Надо как-то Софушку переключить. Сейчас мы перекусим, потом порисуем, затем ещё что-нибудь, и хорошее постепенно сотрёт плохое.

— На обед медальоны из говяжьей вырезки, а для нашей принцессы — нежнейшее куриное филе на пару, брокколи и пюре с молоком, — продолжает повар, лучезарно улыбаясь Софушке. Та слушает его внимательно и даже начинает болтать ножками.

— Кажется, я тоже захотела пюрешку с молоком, — ставлю перед дочкой тёплый компотик и даю печенье в ручку.

Странную фразу произнесла Ксения, она мне запомнилась сильнее всего. Это было что-то вроде «между нами ты выбрал её. Я твоя жена, любить ты должен меня...» У Дубровского была другая женщина, получается? Но если правда, то где она? Или я не так поняла?

Глава 09

Обедаем мы с Софушкой вдвоём и ужинаем тоже. Дубровский уехал сразу после своей жены и так и не появился. А

дочка его ждала, смотрела на дверь и периодически грустно вздыхала.

Я её отвлекала как могла играми. Читала ей книги, включала детские песенки, мы танцевали.

— Вая, — она грустно уткнулась мне в шею и зевнула. Выдохлась малышка. Дневного сна не было, Софушка отказалась наотрез, зато сейчас буквально растеклась по мне со слипающимися глазками.

Тёплая ванна перед сном помогла ей окончательно расслабиться, зубки стали беспокоить намного меньше. Кажется, сегодня ночь будет спокойной.

Софушка засыпает, а я остаюсь сидеть рядом с кроваткой. Разглядываю в тусклом свете ночника её спокойное личико. Наслаждаюсь внутренним покоем, наступившим в моей душе.

Решаю снова переночевать в детской на диване, только надо сходить к себе — принять душ и почистить зубы. Беру видеоняню и тихонько выскальзываю в коридор.

Тут темно и раздаются какие-то глухие звуки. Странно, будто бы кого-то бьют. Но такого в суперзащищённом доме Дубровского быть не может. Тогда что это? Я дохожу до крайней двери в коридоре — она оказывается приоткрыта.

Тут же комната Софушки рядом, так что мне нужно разобраться!

Толкаю дверь и вхожу внутрь. Замираю.

Это оказывается просторный спортзал с кучей тренажё-

ров. В центре подвешена груша, которую колотит Платон. В спортивных штанах, с оголённым, блестящим от пота торсом. С его тёмных коротких волос при каждом ударе разлетаются бисеринки пота.

Перчатки на полу, а бьёт он голыми кулаками. Остервенело. Весь воздух вокруг мужчины пропитан злостью и тестостероном.

— Решила составить мне компанию? — Дубровский осклаивается в мою сторону, когда дверь за мной тихонько хлопает. Ничего хорошего его взгляд не предвещает.

— Н-нет, — качаю головой.

Он толкает грушу и медленно направляется ко мне походкой хищника. Хочется сразу сбежать, я нащупываю ручку двери за собой, дёргаю её, но поздно — Дубровский упирается кулаком в полотно двери у меня над головой и захлопывает её. Он оказывается слишком близко. Опасно близко.

— Тогда зачем пришла? — От него пахнет опасностью. И его личным запахом. Пот смешался с его парфюмом, наполненным нотами имбиря и сандала. На меня эта смесь действует странно — по коже рассыпаются колючие мурашки, бросает в жар. Нужно было бежать, и срочно! Но как?

Дубровский протягивает ладонь и касается шершавыми пальцами моей скулы, скользит ими вниз по губам. Его взгляд тяжелеет. Язык нетерпеливо скользит между приоткрытых губ.

— По-поговорить, — я скольжу в сторону и прохожу даль-

ше в зал. — О Софочке. Вы не пришли вечером её навестить, она очень расстроилась! — пытаюсь я показать боевой настрой, которого у меня и в помине нет.

— Думаешь, дочери стоило видеть меня в таком состоянии? — Дубровский разворачивается и следует за мной. Я осматриваюсь — других дверей здесь нет. Как только он оказывается у меня за спиной, быстро делаю ещё несколько шагов в сторону. Ну нет, я не готова к тому, что он хочет. А я всей своей кожей чувствую, что хочет. Как хищник добычу.

— Наверное, нет, вы правы, — я примирительно сбавляю тон, пытаюсь говорить уверенно, но получается тихо, голос дрожит. — Я пойду.

— Нет, — он снова рядом. И взгляд его ничего хорошего не предвещает.

— Нет? — Сердце подскакивает и застревает в горле.

— Нет! — Тяжёлые ладони опускаются на мои плечи и скользят по рукам. Одна обнимает меня за тело поперёк, вжимает в мужской торс. Его нос утыкается в основание моей шеи, шумно втягивает запах. — Ммм...

— Пустите, — у меня пересыхает во рту. Я попой чувствую, как он напряжён во всех местах. И там тоже... Боже, я попала в ловушку.

И зачем только сюда пошла?

Платон сейчас очень зол на Ксению. Она уехала, а я попалась ему под руку вместо неё...

Думается мне, что сейчас ему всё равно, какая женщина

оказалась рядом. Он на взводе. А я не хочу быть любой! Не хочу быть игрушкой!

Нужно уходить!

— У нас договор, помнишь? — сипит мне на ухо.

— Нет! — я мотаю головой.

— Всё ты помнишь, — Дубровский резко разворачивает меня в своих руках. Смотрит с такой жадой, что хочется отвернуться. Я запинаясь ногой о мат, и мы падаем на него. Платон сразу прижимает меня собой. Он мокрый, и мужской пот пропитывает мою одежду насквозь, попадая на кожу. — Расслабься, Варвара, тебе понравится, — шепчет мне хрипло в губы. Я в его руках словно в клетке стальной, не вырваться. Но я упрямо не хочу давать ему то, чего он хочет.

Я не могу вот так!

Его лицо напротив моего. Наше напряжённое дыхание смешивается. Я открываю рот, чтобы повторить своё «нет», но он затыкает его поцелуем.

Жадным, горячим, терпким, как он сам. Нетерпеливо терзает мои губы и заглушает возражения. Полностью игнорирует кулаки, которыми я упираюсь ему в грудь.

Мужская ладонь соскальзывает на бедро и сжимает его, пальцы тянут за резинку просторных брюк вниз.

Резко сжимаю зубы на его языке в отчаянной попытке остановить безумие и отрезвить его. Я не кусок мяса, который можно просто взять и сожрать!

— Ты меня укусила? — Он застывает ошарашенно. Не

веря, прижимает пальцы ко рту, и на них появляется кровь.

Укусила, и сильно!

— Пустите! — шиплю сквозь зубы.

— Не нравлюсь? — он криво усмехается.

— Нет! — отрезаю резко.

— Неожиданно. Даже бодрит, — Дубровский щурится. Упирается локтями по обе стороны от моего лица. Мы в очень двусмысленной позе сейчас: я его пульсацию и твёрдость чувствую между своих разведённых бёдер. И мне там нестерпимо жарко становится, всё начинает сжиматься.

Как будто пытка какая-то. Пытаюсь сдвинуться, но Дубровский прижимает собой сильнее, следит за моей реакцией. Ухмыляется развязно.

Думает, я сдамся?

Ну нет уж!

— Слезь с меня! — воинственно ударяю кулаком в мужское массивное плечо. — Если полезешь снова, лицо расцарапаю и язык откушу!

— Ого, а у тебя, оказывается, зубки есть, — он клацает своими у моего лица. Вид такой, будто готов сейчас меня проглотить целиком. — И что будем делать с нашей договорённостью?

— А я ничего не обещала! Это вы что-то там себе придумали! В бумажном договоре этого нет! — Сама пугаюсь собственной смелости. Он меня сейчас точно вышвырнет за моё упрямство. Боже, что я делаю?

Глава 10

— Ты мне ничего не обещала, — Дубровский проговаривает эти слова, словно пробуя на вкус. — Смело. Так меня ещё ни разу не отшивали.

Жду, что Платон наплюёт на мой отказ и продолжит то, что начал, но он перекатывается на спину и прикрывает разбитой ладонью глаза.

— Уходи, — приказывает коротко.

Я не теряю времени — подскакиваю на ноги и несусь прочь из спортзала. Коридор, лестница, моя маленькая комната для прислуги. Щёлкаю замком на двери и устало приваливаюсь к ней спиной. От меня до сих пор пахнет Платоном, тело горит.

Божечки, что сейчас едва не случилось?

Нет-нет-нет, я к такому не готова! И вместе с тем странная реакция тела меня пугает. Никогда раньше не чувствовала ничего подобного рядом с мужчиной. Иногда испытывала волнение, иногда смущение. Но не вот эту же трясучку пополам с жаром тела! Нет, тут что-то не так. Может, сильный стресс дал о себе знать? Температура подскочила? Плюс я Дубровского боюсь. Вот оно всё вместе и вызвало реакцию. Да, должно быть, так.

В душе хорошенько отмываюсь, нюхаю себя, чтобы даже следа от чужого запаха не осталось. Переодеваюсь в свою обычную домашнюю пижаму, которую взяла с собой, и возвращаюсь к Софушке. Она продолжает мирно спать, не по-

дозревая о том, что чуть не случилось между мной и её отцом.

Всё же хорошо, что Платон остановился. Завтра утром я смогу посмотреть ему в глаза без ненависти. Со смущением, с дрожью, но посмотрю.

Ночь пролетает как одно мгновение, и я просыпаюсь от смеха Софочки.

— Доброе утро, — подскакиваю на ноги и тащу на себя коротенький детский плед. Платон, одетый в деловой костюм и совершенно свеженький, прижимает к груди дочку. Та сразу тянет в рот чистый папин галстук и принимается пожевывать.

— Доброе, — бросает на меня равнодушный взгляд, будто бы этой ночью и не прижимал меня собой к мату на полу. Не делал совершенно безобразных, развратных движений пахом между моих бёдер и не требовал заняться с ним непотребством. — Мило, — ведёт глазами по моим коротеньким пижамным шортам и топику на тонких бретельках, которых плед почти не прикрывает.

Являться мужчине, который чётко обозначил, что хочет тебя, в таком виде — очень плохая идея. Но дома я одна, хожу как удобно, а не как правильно. К тому же я не думала, что Дубровский заявится к нам с Софочкой с самого утра.

— Я прикажу перенести твои вещи наверх, раз ты решила тут поселиться, — он со вздохом снимает с шеи свой дизайнерский чёрный галстук и отдаёт дочке на растерзание. Та в

полном восторге принимается мять и жевать гладкий шёлк.

— Спасибо, — оглядываюсь на жёлтый диванчик. Я бы и на полу спала, если бы его не было.

— В спальню рядом. Там нормальная кровать и все условия, — закатывает Дубровский глаза.

— Оу, спасибо, — начинаю заливаться краской. Надо же, Платон может быть чутким и добрым, оказывается.

— Моя спальня как раз напротив, — роняет он, ухмыльнувшись одним уголком рта.

А нет, показалось...

— Платон Владимирович... — возмущённо прижимаю пледик к груди.

— Тридцать шесть лет как, Варвара, — целует дочку и опускает её обратно в кроватку. — Буду вечером.

— Подождите, — настигаю его у двери и хватаю за рукав пиджака. — Я бы хотела с вами кое-что обсудить. Это важно!

Мне покоя не даёт его ссора с женой. Я обязана выяснить, как она обращалась с моей Софушкой. Изменял он жене или нет, это меня не касается, конечно. Об этом не спрошу. Но вот то, что Ксения была пьяна, меня очень настораживает.

И ещё её угрозы меня беспокоят. Она обещала отомстить ему и мне заодно. Что она может сделать? Как? Платон influential человек, я знаю. Но месть обиженной женщины может быть изощрённой и совершенно непредсказуемой.

— Вечером, — отрезает он, глядя на часы, и исчезает.

Вечером так вечером. Придётся подождать.

Провожу утренние процедуры для Софушки, надеваю на неё милое белое платьице в ярких красных сердечках. Завязываю два смешных хвостика на ещё коротеньких волосах.

— Доброе утро, — дверь в детскую открывается после стука. Напряжённая Ольга Петровна заходит в комнату. — Я бы хотела узнать, нужна ли моя помощь? — Она откашливается. — Ваши вещи перенесли в соседнюю комнату.

О том, как будет выглядеть мой переезд на хозяйский этаж для остального персонала в доме, я не подумала. Наверняка за моей спиной ходит много сплетен. Да только мне не важно, кто я там для них, пусть даже считают подстилкой Дубровского. Главное, что для самой себя я другая. И ещё важнее то, что Софиюшка теперь рядом.

— Мне нужно принять душ и переодеться, — сообщаю ей. — Софочка, подождёшь меня недолго?

— Дя! — Дочка кивает. Она сегодня в прекрасном расположении духа, поэтому проявляет невиданную щедрость.

В новой спальне я застываю в шоке. Сюда можно было бы спокойно вместить всю мою квартиру целиком. Комната огромная, светлая, с двуспальной кроватью в центре и балконом, выходящим в сад. На паркетном полу пушистый белый ковёр, в котором утопают ноги. Есть будуарный столик, роскошная ванная комната.

Мои вещи уже развешаны в шкафу, но выглядят здесь совершенно неуместно, ещё дешевле, чем они есть на самом деле.

Дубровский появляется очень поздно, часов в двенадцать. Через открытый балкон я слышу, как подъезжает его машина, как он напряжённо перекидывается парой слов с Иваном. Потом громко хлопает дверь его спальни напротив. Хозяин точно не в духе. И я не решаюсь выйти и затеять разговор, чтобы не получилось, как вчера.

Назавтра всё повторяется по такому же сценарию. Делаю для себя вывод, что у него возникли проблемы в бизнесе. Мы с Софиюшкой тем временем проводим весь день вместе. О своём злосчастном браслете с маячком я не вспоминаю. Привыкла. Да и бежать мне некуда и незачем. Всё самое важное тут.

День выдаётся очень тёплым и безветренным, поэтому устраиваю для нас с дочкой пикник на свежем воздухе в саду. Едим ягоды, ходим по травке босиком. Софушка носится за бабочками и кузнечиками, счастливо смеётся.

— Пить, пить, — тянется за бутылочкой, но вода закончилась. Вместе отправляемся на кухню. Софушка уже знает, что у Игната есть вкусное печенье, которым он с ней обязательно поделится, и бежит впереди меня.

В проёме кухни замираю. По телевизору заканчивается реклама и включается трансляция одного из федеральных телеканалов. На видео студия с полукруглыми диванами и кучей народа. Камера переключается на ведущую с главной героиней. В девушке я не сразу узнаю Ксению, жену Платона. Сейчас она выглядит иначе — лаконичное бежевое пла-

тье, нюдовый макияж, смятый на коленях носовой платок.

— Не переключайте, — прошу Игната, взявшего в руки пульт. Он любит готовить под музыку, но передача для меня сейчас намного важнее.

— Муж украл у меня дочь! — со слезами в голосе сообщает Ксения ведущей.

Что?

У меня в шоке округляются глаза, и я хватаюсь рукой за косяк.

— Теперь её воспитывает совершенно чужая женщина — его любовница! — Ксения сжимает кулаки. Её лицо на мгновение искажается от злости, но она сразу прячет эмоции и прижимает платок к глазам. Изображает рыдания. При этом не забывает красиво выпячивать грудь и манерно поводить плечами. Как же все не видят, что это показное? — Моей Софи только полтора годика, — она снова смотрит в камеру. — И я так боюсь, что скоро доченька меня забудет!

— Мы очень сочувствуем вам, Ксения Сергеевна, — ведущая кладёт свою руку поверх её.

— Спасибо.

— Скажите же то, для чего вы сюда пришли, — подбадривает её ведущая.

— Я иду в суд! — Ксения сжимает кулак и смотрит в камеру. А кажется, что прямо на меня. — Я буду бороться! Не позволю им спокойно жить, пока я страдаю! — В её глазах полыхает лютая ненависть. — Я отберу у них СВОЮ дочь!

Она хочет забрать мою Софиюшку?!

Мне нужно срочно поговорить с Платоном!

Ноги слабеют, а голова идёт кругом. Нет, это невозможно!

Она не может её забрать! Софушка моя! Моя!

Или может? Ведь по документам именно Ксения — мама Софии.

Что же будет??!!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.